

Период I в. до н.э.—начала II в. н.э. определяется как пик развития дакийской культуры Карпатского ареала. Это время характеризуется мощными миграционными процессами, экспансией Рима в Среднее и Нижнее Подунавье, образованием новых этнокультурных общностей, изменением этнополитической карты Карпато-Дунайского бассейна и, в первую очередь, формированием дакийского государства. Все эти многогранные события непосредственно отобразились на истории населения Верхнего Потисья не только рубежа н.э., но и всего римского периода.

Исходя из развития исторических событий и хроноиндикаторов, около 60 г. до н.э., после разгрома кельтов в Среднем Подунавье, был осуществлён поход даков в Верхнее Потисье. Он решал две задачи: захват новой территории, которую заселяли родственные племена, и разгром кельтов. Основной удар был нанесён по оппидуму Галиш-Ловачка. Свидетельство резкого прекращения жизнедеятельности кельтского центра – сотни орудий труда, оружие, украшения, которые жители оппидума не успели закопать или забрать с собою.

На основе материалов археологических исследований последних лет можно предполагать, что первоначальное проникновение даков в крайнюю северо-восточную часть Верхнего Потисья (на правобережье) произошло ещё в середине II в. до н.э. (Солотвино, Белая Церковь). Однако, только с середины следующего века в регионе появляется сеть поселений, возобновляет работу Ботарский металлургический район (с. Дяково), на важных коммуникационных путях возводятся городища. Среди них давы Земплин и Малая Копаня, которые отождествляются с птолемеевскими Сусудавой и Сетидавой (Bihir 1996, 191).

Основная часть населения Верхнего Потисья рубежа н.э. жила на поселениях открытого типа в низменной зоне региона и лишь отдельные поселения находились в горах и предгорьях (рис. 1). Экологические условия горных районов позволяют полагать, что основой хозяйства было отгонное скотоводство. Поселения низменной зоны размещались вдоль небольших рек в окружении плодородных земель и лугов. Площадь 1-2 га.

Жилища строились двух типов: наземные и полуземлянки. Наземные – прямоугольной в плане формы с каркасно-глинобитной конструкцией стен. По периметру находились от 4 до 8 столбовых ям. Площадь жилищ 17-31 кв. м. Полуземлянки в плане прямоугольной формы, размером 8-21 кв. м, на 0,3-0,4 м углублённые в материк. Стенки, вероятно, выносились за пределы жилищного котлована и могли быть срубными.

Отапливались жилища очагами, которые обычно размещались около одной из стен. В плане овальной или круглой формы, диаметром 0,9-1,3 м. Под на уровне пола или углублён, иногда обмазан глиной. Для наземных жилищ характерны углублённые очаги с приочажной ямой. Обычно в жилище находился один очаг.

Рядом с жилищами располагались хозяйственные постройки (погреб, мусорные ямы, сарай) и производственные сооружения, хозяева которых обеспечивали жителей необходимыми орудиями труда и керамической посудой. Ограниченные исследования на поселениях не позволяют полностью воссоздать эту сторону трудовой деятельности их жителей. На сегодняшний день известны всего несколько поселенческих объектов, связанных с ремеслом. Это гончарные печи и остатки металлургических горнов.

Печи по своим конструктивным особенностям выделяются в два типа: одноярусные и двухярусные. К первому относятся две печи с Подвиноградова и Блажиц (Pastor 1976, 104-106). Это ямы, углублённые в материк до 1,1 м. Диаметр горловины 1,1-1,4 м, дна – 1,8 м. Стенки и дно обмазаны глиной и обожжены до красного цвета.

Печи двухъярусной конструкции открыты на поселениях Прешов (Blahuta 1963) и Земплин (Benadik 1965, 72, обр. 5). Характеризуются наличием изолированных камер топки и обжига, которые разделены решёткой с продухами. Нижняя и часть верхней камеры выкапывались в материке. Топка разделялась опорной стенкой, вырезанной в материке, на две части.

Двухъярусные печи появляются в Верхнем Потисье с проникновением и оседанием кельтов. Их конструкция без изменений доживает до римского времени, в особенности широко распространяясь в среде варварских культур Восточной Европы (Henning 1977, Abb.6).

Позднее возникли одноярусные печи. В регионе они начали строиться на рубеже н.э. и позже сосуществовали с печами второго типа (Jurečko 1981, 169).

Остатки металлургического производства найдены на поселениях Земплин (Benadik 1965, 72) и Извоара-Бахны (Olteanu, Neagu, Seclaman 1981). Большое поселение металлургов открыто возле с. Дяково. Здесь, на площади 1072 кв. м раскопано 99 сыродутных горнов и четыре производственные ямы. Занимают они заболоченное урочище Текереш на правом берегу р. Ботар. Горны сконцентрированы на шести рабочих площадках, крайние из которых размещены в 30-35 м от речки. В одну группу входило от 7 до 23 бессистемно размещённых горнов, которые сверху напоминали пчелиные соты (Kotigoroško 1995, 70-71, fig.22).

Часть населения Верхнего Потисья проживала в городищах, которые были возведены с приходом даков: Земплин (Словакия), Малая Копаня, Солотвино-Четатя, Белая Церковь (Украина) и Ончешть-Четецява (Румыния) (рис.1). Эти памятники хронологически охватывают позднюю фазу позднелатенского периода и ранние фазы римского времени. Они позволяют поставить, а в ряде случаев и решить важные проблемы этнополитической истории Карпато-Дунайского бассейна. Кроме этого, материалы городищ являются опорными для установления взаимоотношений и взаимовлияний субстратного и пришлого населения Верхнего Потисья в последних веках до н.э., а также в рассмотрении процесса складывания культуры римского времени.

Упомянутые городища открыты в XIX – в начале XX вв., но только со второй половины XX в. стали объектами специального исследования. Первым среди них, получившим научное осмысление, было Земплинское городище. Уже в 1933 г. здесь проводились раскопки, которые позволили определить Земплин как памятник древнего населения Восточной Словакии. Ш. Яншаком (1935, 70-73) выделены три горизонта заселения: горизонт позднекаменного века, эпохи латена и средневековый. Дополнительные данные принесли раскопки 50-х гг. Они позволили К. Анделю (1955, 795-799) выдвинуть гипотезу, по которой Земплин был классифицирован как кельтский оппидум.

Вывод К. Анделя стал толчком для дальнейшего систематического изучения памятника, которое осуществлялось Институтом археологии САН. За четыре полевых сезона (1955 – 1957, 1962 гг.) на городище и за его пределами вскрывается ряд участков, исследуются фортификационные сооружения. Установлено, что городище было акрополем рядом расположенного позднелатенского поселения протяжённостью 1 км.

На основе анализа полученных данных Б. Бенадик (1965, 76, 89-90) определил Земплин как поселение смешанного кельто-дакийского населения, основанное после гибели кельтских оппидумов Среднего Подунавья. На территории городища им выделены несколько культурных слоёв: эпохи гальштата, кельто-дакийский, великоморавский и X–XI вв. Первоначальные укрепления были возведены в середине I в. до н.э., а в средневековье, в связи с необходимостью, достраивались (Benadik, Točík 1978, 255).

Городище возле с. Малая Копаня (Виноградовский район Закарпатья) открыто в конце XIX в. местным археологом-любителем И. Мигаликом (1893). В опубликованном сообщении автор отметил наличие укреплений на двух вершинах горы под названиями “Городище” и “Малое городище”. Систематическое изучение городища, начатое экспедицией Ужгородского университета в 1977 г., установило наличие на памятнике трёх хронологически не стыкующихся горизонтов заселения. Первый – раннегальштатский, связан с появлением поселения без искусственных фортификаций, второй – дакийский, наиболее мощный, определяемый созданием укреплений и датируемый серединой I в. до н.э. – началом II в. н.э. (Kotigoroško 1994, 304-314). Третий представляют девять полуземлянок с очагами и печами-камянками и реставрационные фортификационные работы X–XI вв. н.э.

На городище Солотвино-Четатя наиболее интенсивные исследования проводились в 1996 и 1998–1999 гг. (Vasiliev et col. 2002). Результаты раскопок, в основном, подтвердили раньше предложенное выделение горизонтов: эпоха бронзы (культура Отомань), дакийская культура (основной горизонт) и средневековье (Котигорошко 1989, 23).

В ходе обследования окраин Солотвино (Котигорошко В., Матей А., Чуботе В.) в 1996 году возле с. Белая Церковь было открыто гальштатское городище, на котором в 2003 году В. Васильев раскопал дакийское жилище. Исследования на городище в Ончешть (1964–1965 гг.) носили ограниченный характер. На площади 127 кв. м выявлены два строительных горизонта: дакийский I в. до н.э.–I в. н.э. и средневековый XIV в. (Daicoviciu et col. 1965).

Несмотря на разную степень изученности городищ рубежа н.э., полученный материал может быть надёжным источником в области изучения истории Верхнего Потисья в переходный этап, от эпохи латена к римскому времени.

Местонахождение городищ определяется крупнейшей водной артерией региона – р. Тисой, которая была наиболее удобным путём. Он связывал Верхнее Потисье с другими областями Карпато-Дунайского бассейна. Занимали городища вершины возвышенностей с хорошим обзором местности, в пунктах, позволяющих контролировать значительную территорию и основные коммуникационные пути.

Естественные условия размещения городищ, сами по себе бывшие надежной защитой от нападения, усиливались возведением защитных сооружений. Форма городища определялась формой верхушки возвышенности или мыса (Солотвино), в рельеф которых вписывались укрепления.

При выборе места поселения учитывался не только рельеф местности, но и фактор наличия источника воды. Он мог быть внутри укреплений и за их пределами. Основные хозяйственные и производственные потребности удовлетворялись за счёт рек, на берегах которых размещались городища.

Однотипные по своему топографическому положению и основным конструкциям защитных сооружений, городища различаются между собой размерами и функциональным назначением. Это позволяет выделить их в две группы. К первой группе относятся небольшие укрепленные пункты: Солотвино-Четатя, Ончешть-Четецява, Белая Церковь (ур. Коста Мэнэстире).

Размещённые в непосредственной близости от древних солекопален, они осуществляли их охрану и контроль за добычей соли. Четатя занимает плоскую вершину мыса на правом коренном берегу р. Тисы. Она имеет довольно обрывистые склоны, кроме восточного, перерезанного рвом длиной 60 м и шириной 5 м. Прямоугольная площадка 64×60 м окружена земляным валом, который сохранился лишь на отдельных участках.

Ещё меньших размеров городище Ончешть, которое занимает доминирующую возвышенность на левобережье р. Изы, недалеко от впадения в р. Тису.

Во вторую группу входят Земплинское и Малокопанское городища, размещённые на важных коммуникационных путях Верхнететского региона. Их укрепления охватывают значительные площади, со значительной плотностью застройки.

Земплинское городище занимает небольшую мысовую возвышенность недалеко от слияния Ондавы и Латорицы, которая омывалась в древности с трёх сторон водами Бодрога. Овальная площадка, размером 240×150 м, была окружена земляным валом. Особенно высокая насыпь с пологой западной стороны, где отсутствовала естественная защита. Здесь вал достигал 10 м высоты, при ширине 30 м в основе. Ядром служила каменная выкладка, присыпанная сверху глиной. В насыпи прослежено несколько строительных горизонтов, нижний относится к позднелатенскому времени. По вершине вала проходил палисад, который усиливал защитные данные городища (Benadik 1965). С трёх сторон городища, на юге, севере и западе в валу прослежены проходы.

Наиболее крупным и мощным укрепленным пунктом в регионе было Малокопанское городище. Оно размещено на горе (край Хустско-Рокосовского вулканического хребта) правого берега р. Тисы. Высота площадки городища от уреза воды – 85 м. Склоны горы обрывистые с востока, юга и юго-запада. Восточное подножие омывается р. Тисой, южное и юго-западное – низменные. Несмотря на дамбу, в половодье эти места затапливаются. Грунт в низине с включениями гальки. Учитывая более высокий уровень воды две тысячи лет назад и структуру грунта, наиболее вероятно, что речка и с юго-запада подступала к подножию горы, превращая в тяжелодоступный и этот участок.

Общая площадь городища 5 га. Оно занимает обе вершины горы и вытянуто с севера на юг. Для защиты образована система с четырёх валов. Первый – основной вал, вписывается в рельеф южной верхушки, проходя по бокам обрывистых склонов, за исключением пологого восточного, который он пересекает. Насыпь возведена из взятого рядом грунта, который содержит значительное количество культурных остатков. Высота насыпи 0,4-2,2 м, ширина 3,5-20 м. Особенно хорошо укреплен центральный вход. Вал с его обеих сторон был усилен палисадом, а сам состоял из пластов земли, перемешанных с галькой, булыжниками, и целой системой каменных “рубашек”, выложенных из крупных андезитовых плит. Эта система с одной стороны образовывала вал, а с другой – эскарпировала его край путём горизонтальных подсыпок. Ещё один вал защищал восточный склон горы (высота до 4 м).

Менее защищённой была северная сторона поселения, которая примыкала к седловине, где высота склона всего 15-20 м. Поэтому, с целью более жёсткой защиты, на северной вершине горы были возведены два дополнительных вала, которые образовали предградьё. Они проходят дугами с наибольшим отдалением (60 м) один от другого. На востоке валы доходят до обрыва, а на западе сходятся возле дороги, которая проходит по склону. Их высота 1-1,7 м, ширина основы 8-10,2 м. Сооружены из жёлтого грунта с содержанием гальки и фрагментов керамики дакийского типа. Территория между седловиной и валом III (Малое городище) не содержит культурного слоя, что свидетельствует об использовании предградьё лишь с защитной целью. Сама седловина под острым конусом до 1,5 м была углублена в материк.

Подводя итоги анализа укреплений, отмечаем, что основным фортификационным сооружением городищ был вал. В Малой Копане и Земплине он имел каменную основу. Дополнительно валы укреплялись палисадом (Земплин, Малая Копаня), от которого сохранились глубокие столбовые ямы (до 1,1 м), забутованные камнями. Фортификационная характеристика значительно повышалась за счёт подсыпания склонов и их эскарпирования с внешней стороны земляных насыпей (западная и восточная части). Конструкция входов, к сожалению, до сих пор не изучалась. Однако, судя по аналогиям, это были деревянные ворота, укрепленные башнями, как и у дав Трансильвании (Antonescu 1984, fig. 62; 70).

Местонахождение городищ и характер защитных сооружений позволяет высказать мысль, что их строительство было связано с хорошо продуманным планом, обусловленным стратегической необходимостью.

При раскопках городищ Верхнего Потисья рубежа н.э. открыт целый ряд построек разного функционального назначения. Не все городища имеют равноценный материал, что связано с ограниченностью полевых исследований. Среди них первое место занимает Малая Копаня, материалы которой положены в основу анализа этого типа памятников региона.

В результате планомерных работ на 30 раскопчных участках городища, общей площадью 1,95 га, вскрыто 49 жилищ (девять средневековых), 105 построек, 35 внежилищных очагов и печей, сотни столбовых и хозяйственных ям.

Исследование Малой Копани свидетельствует о пребывании на городище значительного количества населения. На это указывает и мощный, повсюду залегающий культурный слой, и значительная плотность застройки. Для неё характерна рядовая планировка, привязанная к рельефу местности. Рядом с жилищами размещались подсобные помещения (погреба, мусорные ямы), а также производственные постройки.

Жилища строились двух типов: наземные со столбовой конструкцией стен и жилища с углублённым в материк полом и срубными стенами. Жилища первого типа в плане прямоугольной формы, размером 15-44,2 кв. м. По периметру размещались от 8 до 13 столбовых ямок, часть которых забутована камнями. Центральная часть помещения обычно углублена в материк (0,1-0,2 м). В ней размещался овальный или круглый в плане и линзовидный в профиле очаг. Часто очаг обкладывался мелким камнем и плитами. Стены жилищ, вероятно обшивались досками. Об этом свидетельствует отсутствие обмазки, которая применялась при строительстве каркасно-глинобитных конструкций, и частые находки железных гвоздей и скоб.

Отдельную группу наземных жилищ составляют апсиды, размерами от 35,6 до 176 кв. м. На основе аналогий с памятников доримской Дакии (Antonescu 1984, 19, 28; fig.25) можно утверждать, что стены апсид строились из вертикально поставленных в канавки столбов, обшитых досками. Двухскатная крыша опиралась на стены. Подобную конструкцию стен на городище имел целый ряд построек, но частично прослеженные основы не позволяют провести их реконструкцию. Известны на Малой Копане также апсиды с каркасно-глинобитными стенами, которые от других отличаются не только конструкцией, но и значительным содержанием вещевого инвентаря, сконцентрированного преимущественно возле очагов.

Второй тип жилищ составляют 19 построек с углублённой в материк нижней частью. В плане прямоугольной формы, размером 12-23 кв. м. Пол на 0,2-0,4 м углублён в материк. Отопительное сооружение – очаг. Стены жилищ были срубными и выходили за пределы жилищного котлована.

Ассортимент посуды в жилищах, независимо от их типов, довольно стабильный: несколько горшков, корчага, черпак, “ваза для фруктов”, коническая чашка с ручкой или двумя, набор сероглиняных мисок и расписных сосудов, фрагменты пифосов.

Значительную группу исследованных на городище объектов составляют хозяйственно-бытовые и производственные постройки. Из них 33 наземных и 72 с углублённым в материк полом. Основное назначение хозяйственно-бытовых построек – хранение продовольствия и инвентаря.

Отдельную группу составляют объекты, связанные с ремесленным производством Малокопанского городища. В первую очередь это постройки аморфной формы, длиной 6,4-21,2 м, шириной 0,6-2 м. Пол обычно неровный, высота стен 0,2-0,8 м. Для них характерно наличие отопительных сооружений. Железные шлаки указывают на их связь с чёрной металлургией. Возможно, в этих помещениях осуществлялась горячая проковка криц перед непосредственно кузнечной работой.

Кузница была постройкой наземной конструкции с каркасно-глинобитными стенами. Размер 8×3,4 м. Центральную часть мастерской занимал овальный в плане горн (1,5×1 м), выложенный крупными камнями, рядом располагался инструментарий.

Отдельную группу составляют постройки, связанные с ювелирным ремеслом. Спектральным анализом тиглей и шлаков из мастерских установлено наличие остатков стекла, меди, бронзы, серебра и золота (Kotigoroško 1995, 79-80).

Третью группу памятников дакийской культуры региона составляют: курган №4 Стреды над Бодрогом (Budinský-Krička 1960), курган в Бобовом, урновое погребение в Ужгороде, открытое П.П.Совой, могильники в Земплине (Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová 1990) и Малой Копане (Котигорошко, Прохненко 2003). Все они характеризуются трупосожжением, обычно проводимом на стороне от места погребения. В первом пункте погребение открыто на древнем горизонте, в окружении больших камней, заключённых в основу насыпи. Погребение в Бобовом было введено в курган куштановицкой культуры. Рядом с урной находились сосуды-приставки, в том числе и расписная ваза, 16 бусин и железная фибула позднелатенской схемы (Бідзіля 1971, 44).

Наиболее полная информация о погребальном ритуале получена при исследовании могильника в Земплине (урочище Селмаломдомб), расположенного недалеко от городища. Он состоял из 15 бессистемно расположенных курганов (9 из них раскопаны) и грунтовых погребений возле насыпей. По сообщению авторов раскопок, здесь было исследовано 177 погребений трёх этнических групп: кельтов, даков и носителей пшеворской культуры (Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová 1990, 342-344). Целый ряд погребений этнически не определён. Тем не менее, на основе анализа материала могильника можно сделать выводы об основных чертах и деталях ритуала этого ключевого памятника Верхнего Потисья. С самого начала следует обусловить, что мы не уверены в наличии кельтских погребений. Вещи и посуда латенского облика на рубеже нашей эры и в более поздние времена были широко распространены в северофракийской среде Карпатской котловины, что подтверждается материалами городищ, в том числе и на территории Верхнего Потисья.

Из 177 погребений Земплина считаем возможным 74 определить как дакийские, точнее северофракийские, так как по инвентарю не отличить субстрат от даков, а по публикации не понятно, какие погребения в курганах первичные, а какие впускные. Считаем, что ряд подкурганных погребений принадлежат аборигенному населению. Выделяются два типа погребений: подкурганные и грунтовые. Курганы куполовидной формы, диаметром 10-18 м и высотой 0,7-1,8 м. Насыпь земляная, с бессистемно расположенными крупными камнями (кроме курганов 4 и 6), от нескольких штук до нескольких десятков. В кургане 1 камни образовывали кольцо, диаметром 6,5 м, вокруг места трупосожжения. Из других дополнительных сооружений на подкурганной площади отмечаются кольцевые ровики в курганах 2 и 4. Диаметр их 10,5 и 13 м.

Трупосожжение проводилось на стороне и только в курганах 1 и 8 на подкурганной площади. Количество погребений колеблется от 1 до 26. Вообще к фракийским отнесены 33 подкурганных погребения. Из них 12 урновых, 10 на горизонте, а остальные в ямках. Урны дакийские, за исключением погребения 129, осуществлённого в урне страдоницкого типа.

Грунтовые погребения, как отмечалось выше, концентрировались возле курганов. К дакийским отнесено 41 погребение, из которых 15 урновых и 26 в ямках. Под урны использовались лепные горшки, только погребение 126 было осуществлено в двуручном дакийском гончарном сосуде. Размещение инвентаря аналогичное подкурганным урновым погребениям. Особенно выделяем погребение 106. В него входили 17 наконечников стрел, кресало, кольцо, подвеска норико-паннонского поясного гарнитура, ложкорез, ручка римского бронзового ковша.

Погребения в ямках находились в небольших углублениях диаметром от 0,2 до 0,6 м, среди них большая часть неопределённой конфигурации. Инвентарь часто состоял из нескольких вещей. Выделяется погребение 134, в которое входили детали щита, наконечник копья, перстень с геммой, кольцо, пряжка (Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová 1990, pl.XIX, 1-14).

Из деталей погребального ритуала, характерного для подкурганных и грунтовых погребений, отмечаем наличие костей животных и ритуально разбитых сосудов. Среди них преобладали останки мелкого рогатого скота и свиней. В трёх погребениях найдены медвежьи когти. Исследователи могильника связывают их присутствие с сожжением покойников на медвежьих шкурах (Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová 1990, 343).

В отношении социальной стратификации на могильнике Земплин довольно чётко выделяются бедные и богатые погребения. Отдельную группу (15 погребений) составляют погребения, в инвентарь которых входили оружие и шпоры. Это наконечники стрел и копий, детали щитов, мечи. Воинские погребения преобладали среди 8 погребений грунтового могильника, выявленного возле городища Малая Копаня. Здесь найдены три ритуально согнутых обоюдоострых меча, наконечники копий, умбоны, кольчуга (1936 г.). В 2003 г. обнаружено погребение в урне, которая представляла собою имитацию римской краснолаковой вазы с крышкой.

Внутри находилось 4,1 кг кальцинированных костей, рядом были помещены миска и кувшин (рис.2). Датируются погребения в рамках третьей четверти I в. н.э., этническая принадлежность (германцы или даки) стоит под вопросом и требует дальнейших исследований.

Анализ могильника Земплин позволяет провести параллель ритуала подкурганных погребений с могильниками куштановицкой культуры VI–IV вв. до н.э. Несомненная близость отмечается в планировке курганов (бессистемное размещение отдельными группами), конструкции насыпи (земляные, каменно-земляные), дополнительных деталях устройства подкурганной площади (кольцевые ровики), трупосожжении на месте погребения и на стороне, многочисленных погребениях под одной насыпью, помещении остатков кремации в урны, ямки или в кучке на горизонте, накрытии урн определёнными вещами или посудой, наличии сосудов-приставок, костей животных. Вместе с подкурганными погребениями сосуществуют грунтовые, что характеризует группу Санислэу-Нир и кельтские некрополи.

В ходе исследований памятников дакийской культуры Верхнего Потисья собрано значительное количество материала, который характеризует разнообразные сферы жизнедеятельности населения региона. По своему функциональному назначению он выделяется в несколько больших групп. Наиболее массово выступает керамика. Только Малокопанская коллекция, которая может служить эталоном для характеристики дакийской керамики Верхнего Потисья, состоит из сотен тысяч фрагментов, сотен целых и реставрированных сосудов. В отличие от керамических комплексов предшествующего времени посуда дакийской культуры характеризуется разнообразием приёмов, стилей, форм и орнаментальных мотивов. Лепная керамика представлена кухонной и столовой посудой. К ассортименту кухонной относятся горшки, конические чашки, миниатюрные сосуды, дуршлаки, сковородки и кружки. В своём большинстве они орнаментированы разнообразным пластическим и резным декором (рис. 3, 1-8). Столовая, в сравнении с кухонной, более тщательной формовки. Поверхность покрыта чёрным, иногда коричневым лощением, которое придавало эстетичный вид и укрепляло структуру сосуда. Основные формы составляют “вазы для фруктов”, черпаки, миски, кувшины, крышки и корчаги (рис. 3, 9-16, 18-19, 21-22).

Гончарная керамика характеризуется тщательностью подготовки глиняной массы. По функциональному назначению выделяется парадная, столовая посуда и тара для хранения припасов. По технике изготовления столовая посуда делится на сероглиняную и расписную керамику. Первая покрывалась серым и коричневым лощением, а вторая расписывалась белой, красноватой или чёрной краской. В ассортимент входят горшки, вазы, миски, кратеры, кувшины и крышки (рис. 3, 17, 20, 23-29, 31, 33-34).

Тара для хранения припасов (зерна, муки) состоит из пифосов. Это крупные сосуды, высотой до 1 м, с широким массивным венчиком, которые получили широкое распространение на давах и поселениях даков (рис.3, 32).

Керамика Верхнего Потисья относится к классической гето-дакийской посуде и отвечает третьей фазе её развития, которая датируется 100 г. до н.э. –106 г. н.э. (Crişan 1969, 151-153). При анализе сосудов лепной формовки отмечается сохранение традиций фракийского галыштата. Целый ряд форм имеет прототипы в куштановицкой и латенской культурах. Вместе с тем появляется ряд форм, неизвестных в регионе до прихода даков. Это, в первую очередь, конические чашки с ручками и “вазы для фруктов” – классические дакийские формы.

Импортная посуда представлена единичными экземплярами кубка типа “delian” и обломками от двух светлоглиняных амфор (рис.3, 25, 30).

Развитие гончарства в дакийской среде проходило под влиянием инородных более развитых культур: эллинистической и кельтской. Римское влияние проявляется, главным образом, в I в. н.э. Именно в это время, время усиления контактов с Империей, разнообразные формы римской керамики заимствуются дакийскими гончарами.

Основу характеристики ремесла и домашних производств верхнетисского населения составляют орудия труда. По своему функциональному назначению они выделены в несколько групп. В первую очередь это кузнечный инструментарий (наковальни, клещи, зубила, пробойники) и связанный с ним ювелирный: льячки, тигли, формочки для литья (рис. 4, 1, 9-12, 26, 37).

Широко представлены орудия деревообработки. Среди них: топоры, тёсла, стамески, клинья, скобели и ложкорезы (рис. 4, 2-8, 13, 19, 21). Не менее разнообразен и сельскохозяйственный инвентарь: наральники, серпы, косы, садовые ножи, ножницы для стрижки овец (рис. 4, 14-15, 28-29, 33, 39). С каменным строительством и обработкой камня связаны мастерок и молоток (рис.4, 32, 35).

Орудия домашнего производства и бытовые вещи представлены жерновами, пряслицами, точильными брусками и ножами (рис. 4, 20, 22-25, 41).

В отдельную группу выделены орудия скорняка: утюжки (для разглаживания швов сшитых шкур), ножи для чистки мездры, скобели для снятия шерсти, каменные и железные бритвы для раскраивания шкур, иглы (рис. 4, 36, 40). С виноградарством связана находка садового ножа (рис. 4, 30).

Третья, значительная группа изделий, представлена оружием. Это обоюдоострые мечи, наконечники копий, стрел, втоки, остатки щитов (умбоны, рукоятки), кольчуги (рис. 5, 1-28, 30, 35). Отдельно отмечаем боевой нож, повторяющий форму классических дакийских мечей (рис. 5, 34). К экипировке воинов относятся также шпоры и астрагаловые пояса (рис. 5, 29, 31-33, 36).

Украшения и принадлежности одежды составляют разнообразные изделия, изготовленные из бронзы, серебра, железа, стекла и янтаря. В основном, они найдены при исследовании Земплина и Малой Копани. Это фибулы, пряжки, кольца, браслеты, подвески, разнообразные бусины (рис.6). Особенно отмечаем мозаичную плакетку с женским изображением, изготовленную в одной из александрийских мастерских (рис. 6, 15). К импортам относятся также поясные гарнитуры норико-паннонского типа, отдельные виды пряжек, обломки стеклянных и бронзовых сосудов, изготовленных в римских мастерских (рис. 6, 28, 30, 32-33, 40, 44).

Довольно разнообразна монетная коллекция, состоящая из единичных случайных находок и сборов в ходе раскопок Земплина и Малой Копани. В неё входят около 1000 монет, из них больше 700 римских республиканских денариев, тетрадрахмы и драхмы Аполлонии и Диррахума. Разнообразными эмиссиями представлены монеты кельто-дакийской чеканки. Это монеты типа Медиешул Аурит, сырмского и земплинского типов, типа велькобистерец (Котигорошко 1989, 48; 2001, 146). Значительная коллекция монет типа Медиешул Аурит (25 из 45 экземпляров) собрана на Малой Копане. Подобное количество дакийских монет не было найдено ни на одном поселении или даве Дакии, что позволяет предположить наличие на городище монетного двора.

Изучение памятников региона середины I в. до н.э.–I в. н.э., проведённое за последние 20 лет, позволяет охарактеризовать хозяйственную и производственную деятельность населения этого периода как составной части доримской Дакии. Древности и их содержание позволяют утверждать, что разгром кельтов не привёл к уничтожению достижений латенской цивилизации, к застою в местной экономике. Наблюдается процесс дальнейшего поступательного развития верхнетисских племён, обусловленный распространением дакийской культуры. Последнему способствовала не только моноэтничность племён, но и оседание значительного контингента даков, у которых в этот период наблюдается интенсивный экономический подъём.

Основным занятием населения Верхнего Потисья, как и раньше, оставалось земледелие и животноводство. О развитии земледелия Дакии, к которой относились и земли региона, свидетельствует широкое распространение орудий обработки грунта и сбора урожая. Известны сотни наральников и десятки плужных ножей-черёсел, найденных на поселениях и городищах.

Для разрыхления грунта применялись мотыги, которые по своей форме почти не отличались от современных. Только на городище Грэдештя Мунчелулуй найдено несколько экземпляров вместе с граблями, а в общем, несколько десятков (Glodariu, Jaroslavschi 1979, fig.2-30).

Сбор урожая проводили с помощью серпов и кос, которые повсеместно встречаются на поселениях Дакии, в том числе и Верхнего Потисья. В своём большинстве косы относятся к типу “горбуш”, с широким лезвием, вместе с ними использовались узколезвенные (3 см) косы с прямым или почти прямым клинком (Crişan 1977, 395-397; Glodariu, Jaroslavschi 1979, fig.1-32).

Зерно молотось на ручных ротационных мельницах кельтского типа. Только на городище Малая Копаня найдено около сотни целых и обломков жерновых камней, где они и изготавливались.

О развитии скотоводства и его значительной роли в хозяйстве верхнетисских племён свидетельствует широкое распространение инструментов для выделки шкур (утюжки, ножи, скобели) и остеологический материал.

Центрами ремесленного производства Дакии были многочисленные городища и крепости, которые наиболее интенсивно строились в эпоху Буребисты. Именно на них открыты кузнечные и ювелирные мастерские с

разнообразным набором инструментария (молотки, клещи, наковальни, терпуги, зубила, свёрла, формы для литья, тигли и прочее), которые в своём большинстве повторяют формы латенских орудий.

Наибольшими ремесленными центрами даков в Верхнем Потисье были Малая Копаня и Земплин. Одновременно с ними возобновляет работу Затисянский металлургический район, в бассейне р. Ботар (Дяково) в 10 км от Малой Копани. Не исключено, что отсюда сырьё попадало и на Малую Копаню. Её материалы наиболее полно раскрывают характер дакийской металлообработки в регионе. Местные кузнецы изготавливали орудия труда, оружие, конское снаряжение, шпоры, разнообразные бытовые вещи. В зависимости от их назначения использовались кричное железо или сырцовая сталь.

Изучение технологии изготовления кузнечных изделий с Земплина (Mihok, Miroššayová, Veselovská 1993) и Малой Копани (Бидзиля, Вознесенская и др. 1983, 100; Hollý, Mihok, Kotigoroško 1995, 398-401), проведённое в двух разных учреждениях (Институт археологии НАН Украины и Технический университет Кошице), предоставили конкретные данные. Анализ вещей с Земплина (топор, ножи, копья) показал, что при их изготовлении была применена стандартная техника, в том числе цементизация (науглероживание) и ковка пакетного металла без закаливания.

Более сложной технологией производства владели кузнецы Малой Копани. Структурный анализ вещей (серпы, косы, топоры, ножи, наконечники копий, долота, браслет) установил высокое качествоковки и незначительное содержание шлака. Последнее обстоятельство не только свидетельствует о высоком мастерстве кузнецов в области горячейковки, но и характеризует сам процесс обработки стали.

Вещи, которые по своим функциональным назначением требовали особого качества и прочности, подвергались закаливанию, наварке стальных полос и термообработке. Особенно отмечаем такие сложные операции, как локальная цементация лезвия или рабочей части (косы, топор, молоток каменотеса, нож, долото), с последующим закаливанием. При анализе металлургии и металлообработки бросается в лицо наличие в них значительных кельтских традиций. Это проявляется и в технологии производства, и в самой продукции.

С кузнечным производством было связано и ювелирное дело. Спектральным анализом тиглей, найденных в мастерских (41 экземпляр) Малой Копани установлено использование их для плавки бронзы, серебра и золота. Если изделия из золота на городище не известны, то бронзовые и серебряные вещи составляют значительную коллекцию. О местном производстве принадлежностей одежды свидетельствует фибула – полуфабрикат. Аналогичные находки в Карпато-Дунайском ареале известны лишь в Северной Югославии (Koščević 1980, tabl.XLVI-XLVII). Особый интерес представляет постройка 34 Малой Копани, где возле печи, выложенной из андезитовых плит, найдено 24 тигля и силикатные шлаки. Спектральный анализ части из них показал присутствие стекла с примесями глины, что позволяет классифицировать постройку как стеклодельную

мастерскую. Наряду с другими находками на территории Дакии (Jaroslavschi 1981) это ещё одно подтверждение наличия в дакийской среде такой редчайшей и высокотехнологичной области производства, которой было в варварском мире Европы стеклоделие.

Трудно переоценить значение для верхнетисского населения наличия месторождения соли – важнейшего пищевого продукта в древнем мире. Соль была источником богатства, одной из основных статей экспорта. Непосредственная близость Солотвино-Четате к поверхностным выходам соли указывает на городище, как на центр, который осуществлял добычу, контроль и транспортировку соли. Его важность подтверждается наличием в его непосредственной близости ещё двух укрепленных пунктов: Белой Церкви и Ончешти (рис. 1).

На основе данных Я. Пастернака (1928, 69) можно говорить о существовании целого ряда древних шахт в восточной части Закарпатья вблизи сёл Баранинцы, Нягово, Новоселица, Теребля и поселка Солотвино. Шахты представляли собой ямы, размером 15-30×4-8 м и глубиной до 40 м. В отдельных из них, по сообщению Ф.М. Потушняка, были найдены монеты императоров Августа (27 г. до н.э.–14 г. н.э.) и Константина I (306–337 гг.).

Развитое товарное производство, рассчитанное на широкий рынок сбыта, предусматривает наличие в среде жителей городищ прослойки торговцев. На это указывают и находки монет в Земплине, Малой Копане, солотвинских солерудниках и целом ряде других пунктов региона. Как отмечалось выше, Верхнее Потисье – регион с древними традициями в области товарно-денежных отношений. Монеты кельтской и дакийской чеканки появляются здесь в III в. до н.э. В I в. до н.э., в особенности в его второй половине, кельто-дакийские монеты, которые обслуживали потребности внутренней и межплеменной торговли, заменяются римскими республиканскими, а со временем императорскими, которые получили статус “мировых” денег. Принятие римской денежной системы было обусловлено контактами с Римом, в которых не могли принимать участие монеты собственной чеканки, а также необходимостью образования единой денежной системы. Её введение опиралось на внутренние предпосылки (поляризация общества, высокий уровень развития экономики) и диктовалось требованиями молодого дакийского государства, вызванными к жизни деятельностью Буребисты.

Возрастание объёмов внутренней и внешней торговли требовало всё большего количества денежных номиналов, которое уже не обеспечивалось поступлениями из Империи. Это привело к возникновению денежного дефицита, погашенного Буребистой путём чеканки имитаций римских монет (Cişan 1977, 176, 427). Про их местное происхождение свидетельствуют находки матриц и муфт для изготовления монет, выявленные в крепостях Лудешть, Тиличка (Трансильвания) и поселении Пояна в Молдове. Исследователи отмечают мастерство чеканки денариев, которые часто тяжело отличаются от настоящих римских монет (Фёдоров, Полевой 1973, 150; Luri 1989).

Торговые отношения устанавливаются с отдалёнными регионами Карпатской котловины. Подавляющее большинство импортов представлено изделиями норико-паннонского типа (фибулы, пряжки, пояса) и римского происхождения (бронзовые и стеклянные сосуды). О контактах с Прибалтийским регионом свидетельствуют находки янтарных бус.

Более чёткую картину межрегиональных отношений раскрывает коллекция монет (45 экземпляров) Малой Копани. В неё входят монеты велькобистерецкого типа (Северная Словакия), типа Медешул Аурит (Трансильвания), сырмского типа (Северная Югославия), набор римских республиканских монет, в том числе денарий из колонии Непаусус (Нижняя Галлия), драхма с Диррахия (Иллирия).

Специализированное ремесленное производство, товарно-денежные отношения и широкие торговые связи, которые возникли в эпоху латена, не прерываются с приходом даков. Их внедрение вносит новый стимул для дальнейшего поступательного развития экономики и социальных отношений, при этом определяющую роль сыграл ряд факторов: моноэтничность пришлых и местных (костобоки?) племён; объединительная политика Буребисты, которая проходила, согласно Страбону (VII, V, 2) под лозунгом реванша, мести кельтам, которые заняли дакийские земли; более высокая степень развития экономики и социальной организации, чем у субстрата региона.

С распространением дакийской культуры в регионе дальнейшее развитие получают ремёсла, торговля, возникают новые элементы в жилищном строительстве, повсеместно используется дакийская керамика. Культурная нивеляция, которая проходила на протяжении полторы сотни лет, не затронула погребального обряда, который имел истоки в куштановицкой культуре, что указывает на сохранение местных традиций.

Быстрому распространению дакийской культуры способствовала не только родственность племен, но и оседание значительного контингента даков, которое происходило в несколько этапов. Начальный этап приходится на эпоху Буребисты; второй связан с вторжением в начале I в. н.э. сарматских племён в Тисо-Дунайское междуречье. По свидетельству римского историка Плиния Старшего (HN, IV, 25), языги оттеснили даков на север, в горы, то есть в Верхнее Потисье. Это переселение было настолько массовым, что достигало отдалённых областей Северной Словакии, где приход новой волны даков фиксируется на поселениях пуховской культуры (Pieta 1982, 307). Заключительный этап приходится на конец I–начало II вв. н.э. и определяется дако-римскими войнами эпохи Домициана и Траяна (101–106 гг.). Переселенческая волна достигает своего апогея в завершающей фазе войн (105–106 гг.), что находит подтверждение у Диона Кассия в его пассаже об отходе на север так называемых “вольных даков”, которые не захотели оставаться под чужеземным господством (Cass. Dio LXII, 3, 3; LXXVIII, 27, 5). Дальнейшая история населения Верхнего Потисья, после гибели царства Децебала, была связана, несмотря на географическое расположение региона, с кординальными событиями Карпато-Дунайского бассейна, буквально перекроившими этническую карту ареала.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Бідзіля, В.І. 1971: *Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери*, Київ, 183 с.
- Бидзиля, В.И., Вознесенская, Г.А., Недопалко, Д.П., Паньков, С.В. 1983: *История чёрной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.)*, Киев, 111 с.
- Котигорошко, В.Г. 1989: *Городища рубежа нашей эры в Верхнем Потисье*, SA, XXXVII, 1, с.21-67.
- Котигорошко, В.Г. 2001: *Роль монет в системе взаимосвязей Римской империи и населения северо-восточной окраины Карпатского ареала*, Sagraica - Карпатика. Давня історія України і суміжних регіонів, Ужгород, с. 145-158.
- Котигорошко, В.Г., Прохненко, І.А. 2003: *Нові дані про поховальні пам'ятки Закарпаття*, Науковий вісник УжНУ, Ужгород, 9, с. 3-12.
- Фёдоров, Г.Б. Полевой, Л.Л. 1973: *Археология Румынии*, Москва, 411 с.
- Страбон, 1964: *География*, Ленинград, 940 с.
- Andel, K. 1955: *Pozdné latenské sídlisko v Zempline na východnom Slovensku*, AR, 7, s. 795-799.
- Antonescu, D. 1984: *Introducere în arhitectura dacilor*, București, 219 p.
- Benadik, B. 1965: *Die spätlátenezeitliche siedlung von Zemplin in der Ostslowakei*, Germania, 3, s. 63-91.
- Benadik, B., Točík, A. 1978: *Zemplin, Významné slovenské náleziská na Slovensku*, Bratislava, s. 253-256.
- Bichir, Gh. 1996: *Dacii liberi din nordul Daciei*, Thraco-Dacica, XVII, p. 191-202.
- Budinský-Krička, V. 1960: *Vyskum r.1958 na vrchu Bakhegy v Strede nad Bodrogom*, SA, VIII, 1, s.217-230.
- Budinský-Krička, V., Lamiová-Schmiedlová, M. 1990: *A late 1st century B.C. - 2nd century A.D. cemetery at Zemplin*, SA, XXVIII, 2, p. 245-344.
- Blahuta, F. 1963: *Nález hrnčiarських peci z neskorej doby laténskej v Prešove*, NO, 5, s. 220-223.
- Crișan, I.H. 1969: *Ceramica daco- getica*, București, 363 p.
- Crișan, I.H. 1977: *Burebista și epoca sa*, București, 530 p.
- Glodariu, I., Jaroslavschi, E. 1979: *Civilizatia fierului la daci (sec. II î.e.n. - I e.n.)*, Cluj-Napoca, 183 p.
- Henning, J. 1977: *Entwicklungstendenzen der Keramikproduktion an der mittleren und unteren Donau im I. Jahrtausend u. Z.*, Zeitschrift für Archäologie, 11, s. 181-206.
- Holí, A., Mihok, L., Kotigoroško, V.G. 1995: *Metallographic analysis of Dacian Iron objects*, 9th Symposium on Metallography, Košice, p. 398-401.
- Janšak, S. 1935: *Praveké sídliská s obsidianovou industriou na východnom Slovensku*, Bratislava. 193 s.
- Jaroslavschi, E. 1981: *Au prelucrat dacii sticla?*, Studii dacice, Cluj-Napoca, p. 166-173.
- Jurečko, P. 1981: *Problematika tzv. sivej keramiky v dobe rimskej so zreteľom na výsledny výskumu na východnom Slovensku*, HC, XII, s. 169-210.
- Košcevic, R. 1980: *Anticke fibule s poručja Siska*, Zagreb.
- Kotigoroško, V.G. 1994: *Problèmes de la chronologie de la culture dace de la region de la Haute- Tisza*, Relations thraco-illyro- helleniques, București, p. 304-314.

- Kotigoroško, V. 1995: *Ținuturile Tisei Superioare în veacurile III î.e.n.- IV e.n. (Perioadele La Tene și romană)*, București, 338 p.
- Lupu, N. 1989: *Tilișca. Așezările arheologice de pe Căpânaș*, București, 160 p.
- Mihálik, J. 1893: *Őskori emlékek Ugocsa vármegyében*, AÉ, 2, old. 410-418.
- Mihok, L. Miroššayová, E. Veselovská, J. 1993: *Metalografický rozbor železných predmetov z neskorej doby laténskej zo Zemplína*, VP, IV, s.95-108.
- Olteanu, St., Neagu, N., Seclaman, D. 1981: *Tehnologia obținerii fierului din minereu și problema continuității istorice pe teritoriul României în mileniul I e.n.*, SCIV, 32, p.217-232.
- Pasternak, J. 1928: *Ruske Karpaty v archeologii*, Praha, 144 s.
- Pastor, J. 1976: *Wyniki prac wykopaliskowych Muzeum Wschodnio-slowackiego w Blažicach v roku 1969*, AAC, 16, s. 95-106.
- Pieta, K. 1982: *Die Pucho-Kultur*, Nitra, 311 s.
- Vasiliev, V., Rustoiu, A., Balahuri, E., Cosma, C. 2002: *Solotvino–“Cetate” (Ukraina Transcarpatică). Așezările din epoca bronzului, a doua vârstă a fierului și din evul mediu timpuriu*, Cluj-Napoca, 292 p.

1-Ани Эндре;	30-Малы Траканы;
2-Апа;	31-Нижня Мишля;
3-Ачыш;	32-Одореу;
3А-Белая Церковь;	33-Олешник;
4-Беняковцы;	34-Ончешты;
5-Беша;	35-Орехова;
6-Блажице;	36-Перекрестье;
7-Бобовое;	37-Петрово;
8-Брацовце;	38-Прешов;
9-Велики Шариш;	39-Подвиноградово I;
10-Горбок;	40-Подвиноградово II;
11-Гран;	41-Сенне;
12-Драхнов;	42-Солотвино;
13-Дубровка;	43-Стреда над
14-Думбрава;	Бодрогом;
15-Дяково;	44-Стретавка;
16-Жарнов;	45-Среднее Водяное;
17-Земплин I;	46-Струмковка;
18-Земплин II;	47-Трешиве I;
19-Извоара Бахна;	48-Трешиве II;
20-Иршава - Бодулив;	49-Тириам;
21-Кашов;	50-Тюкод;
22-Копривница;	51-Фалкушовце;
23-Кород;	52-Ужгород;
24-Курешты;	53-Холмок;
25-Ладмовце;	54-Цегловка;
26-Лазурь;	55-Часловцы;
27-Малая Копаня;	56-Ченгер I;
28-Малые Ратовцы I;	57-Ченгер II;
29-Малые Ратовцы II;	58-Шебастовце Барца.

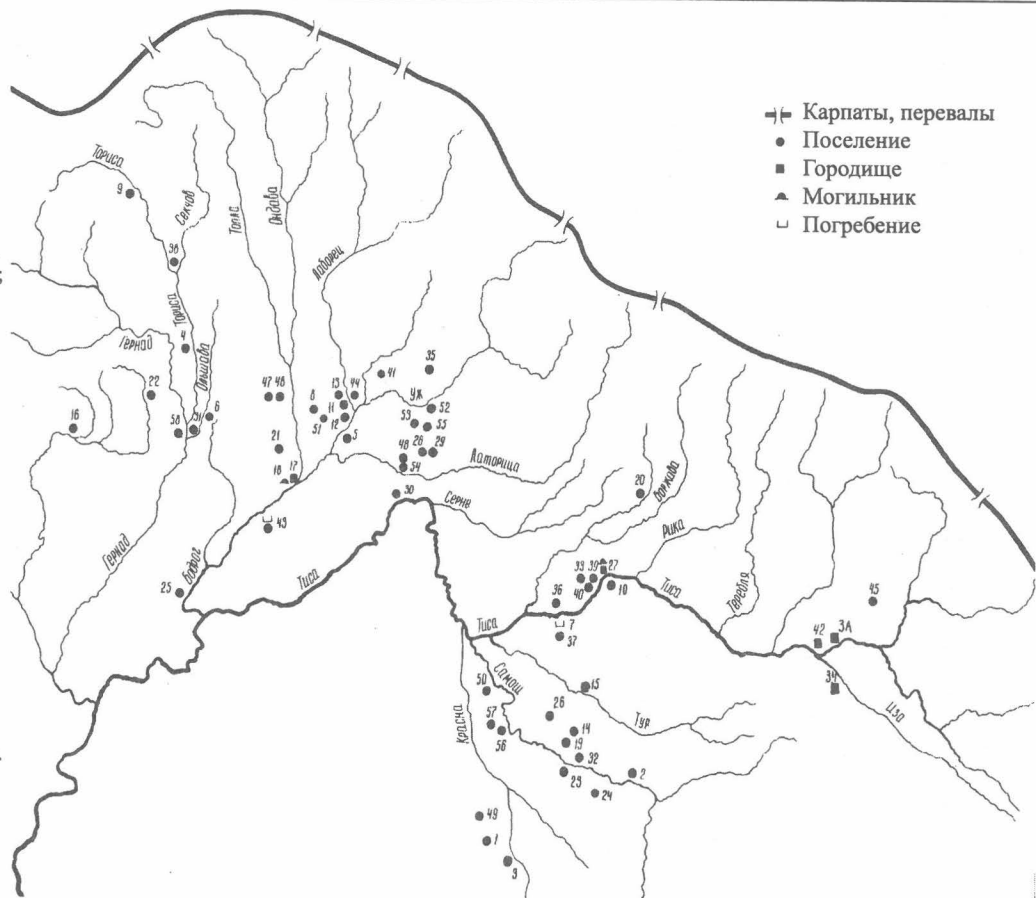

Рис.1. Карта расположения памятников Верхнего Потисья рубежа н.э.

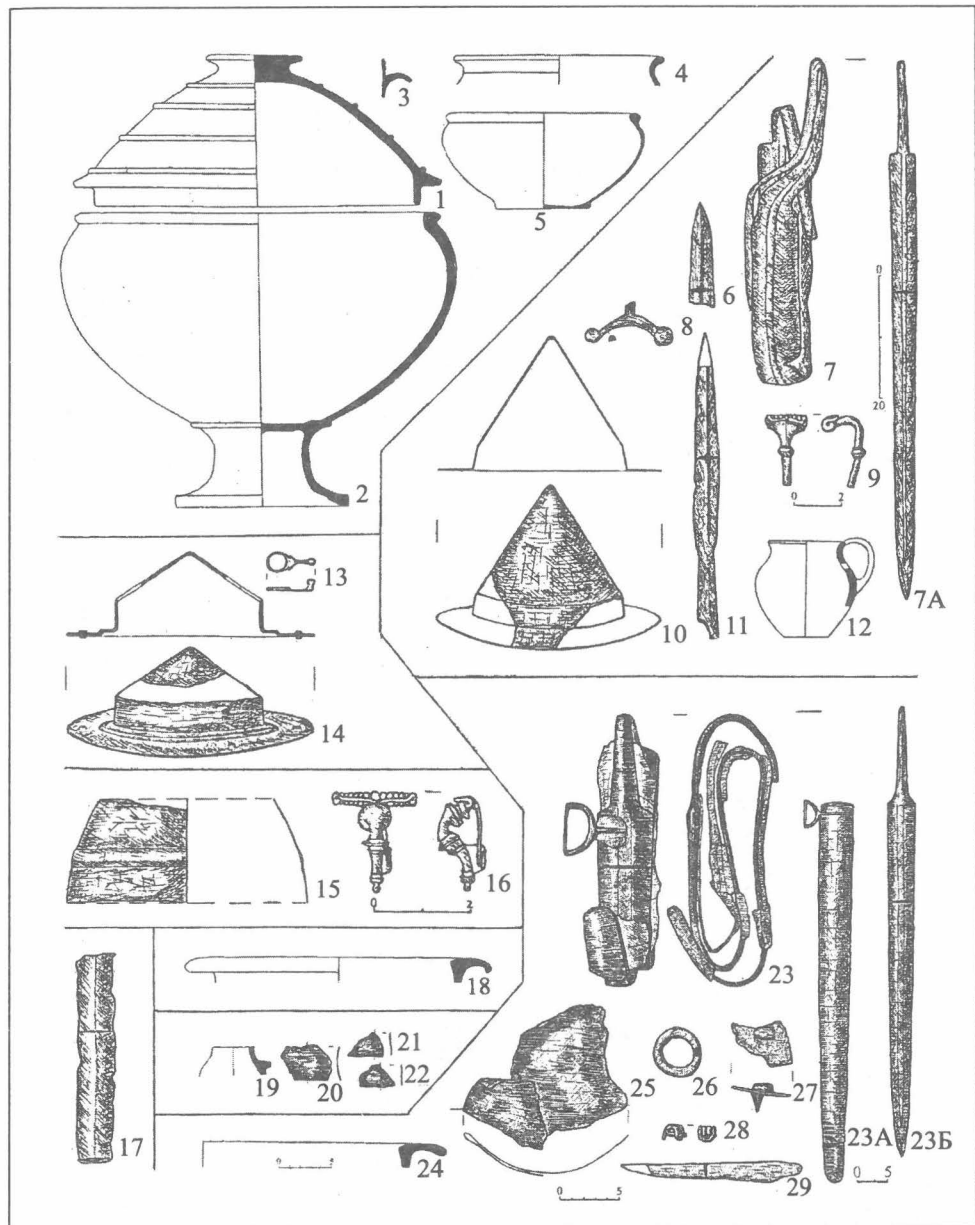

Рис. 2. Малая Копаня. Инвентарь грунтовых погребений. 1-5. погребение 5; 6-12. погребение 2; 13-14. погребение 3; 15-16. погребение 4; 17. подъёмный материал; 18. погребение 8; 19-22. погребение 7; 23-29. погребение 6.

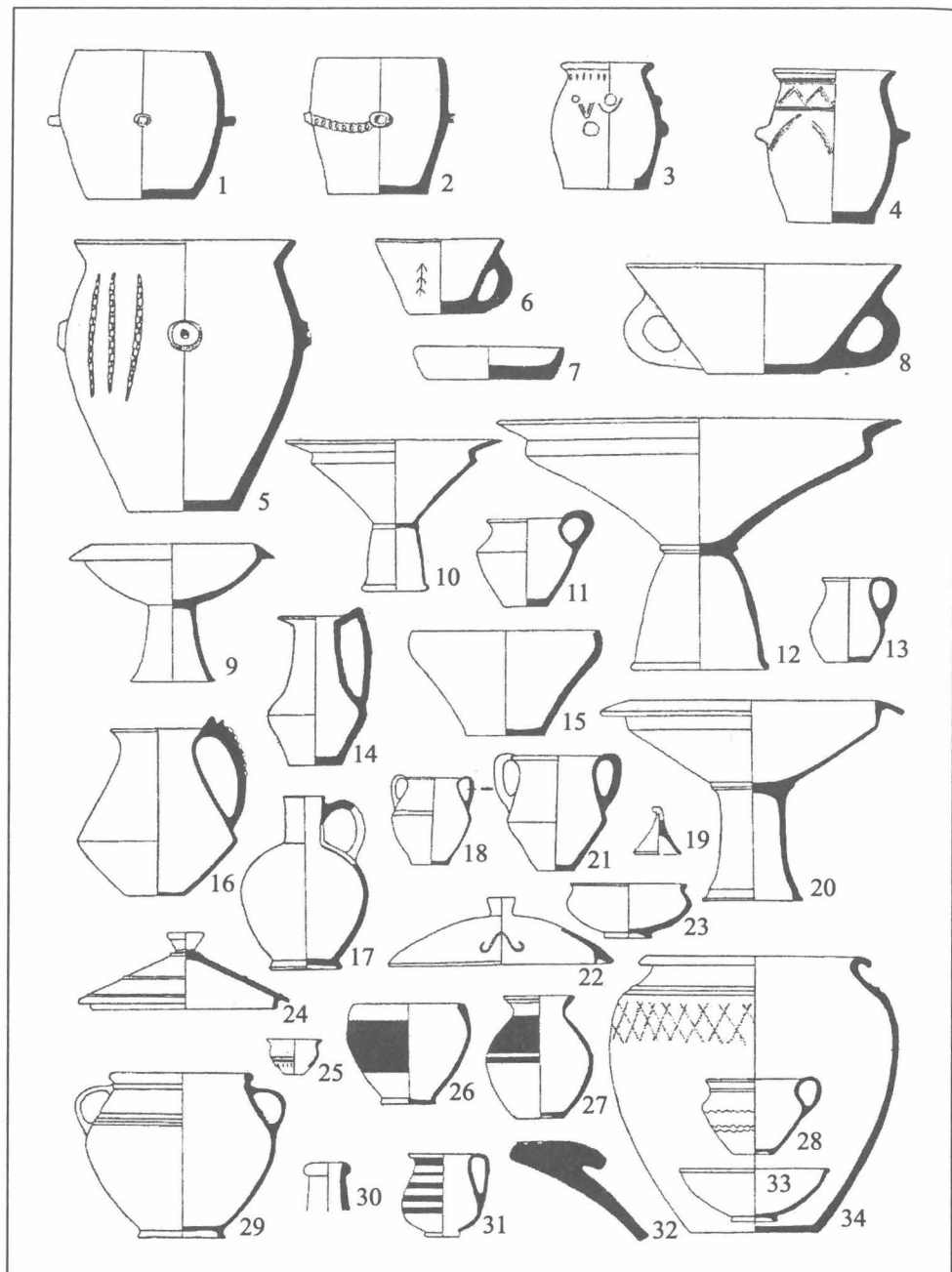

Рис. 3. Малая Копаня. Основные формы лепной (1-16, 18-19, 21-22) и гончарной (17, 20, 23-34) посуды.

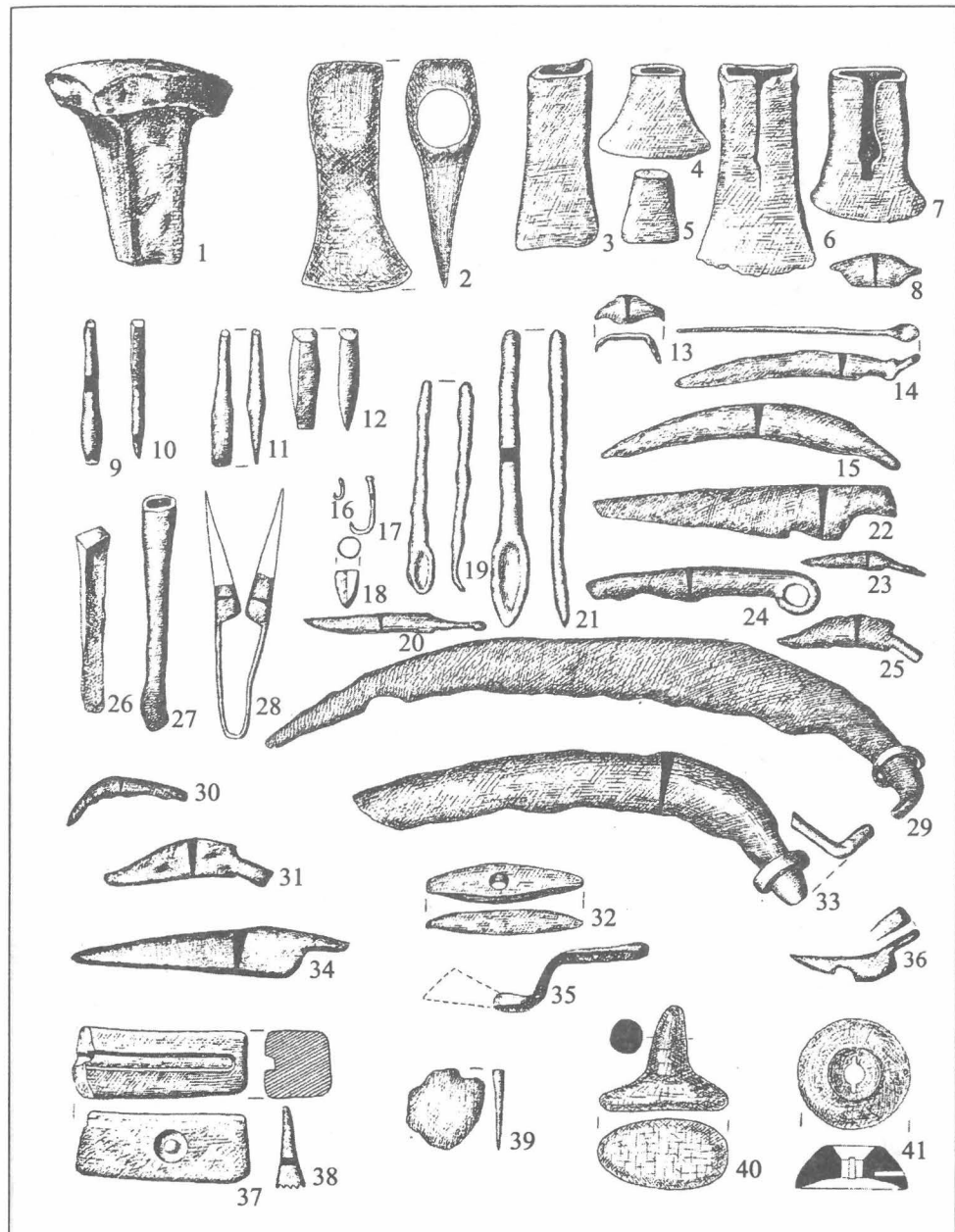

Рис. 4. Малая Копаня. Основные типы орудий труда.

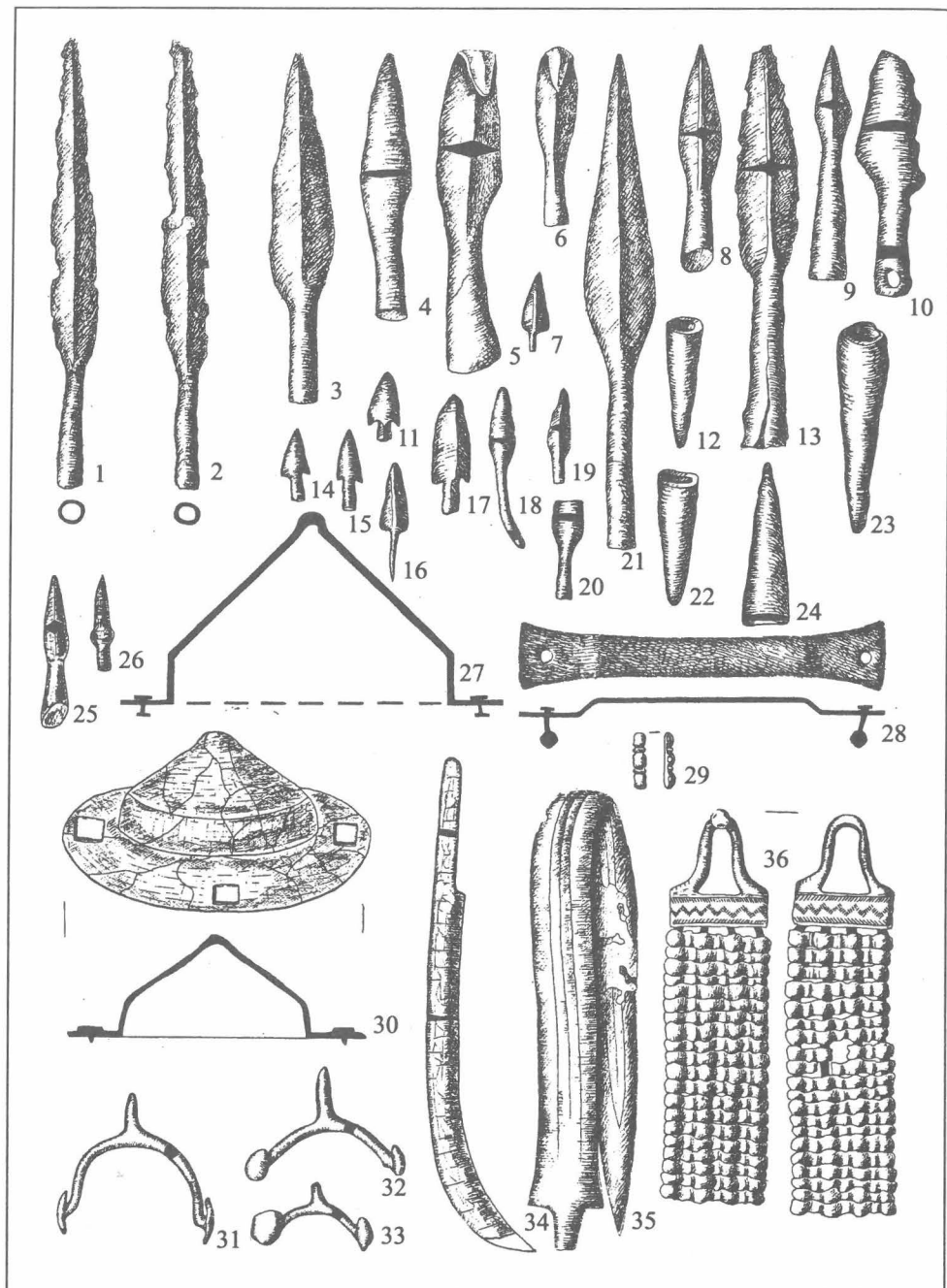

Рис. 5. Предметы вооружения и экипировки воинов с памятников Верхнего Потисья рубежа н.э. 1-2, 13-17, 27-28, 35-36. Земплин; 3-12, 18-26, 29-34. Малая Копаня.

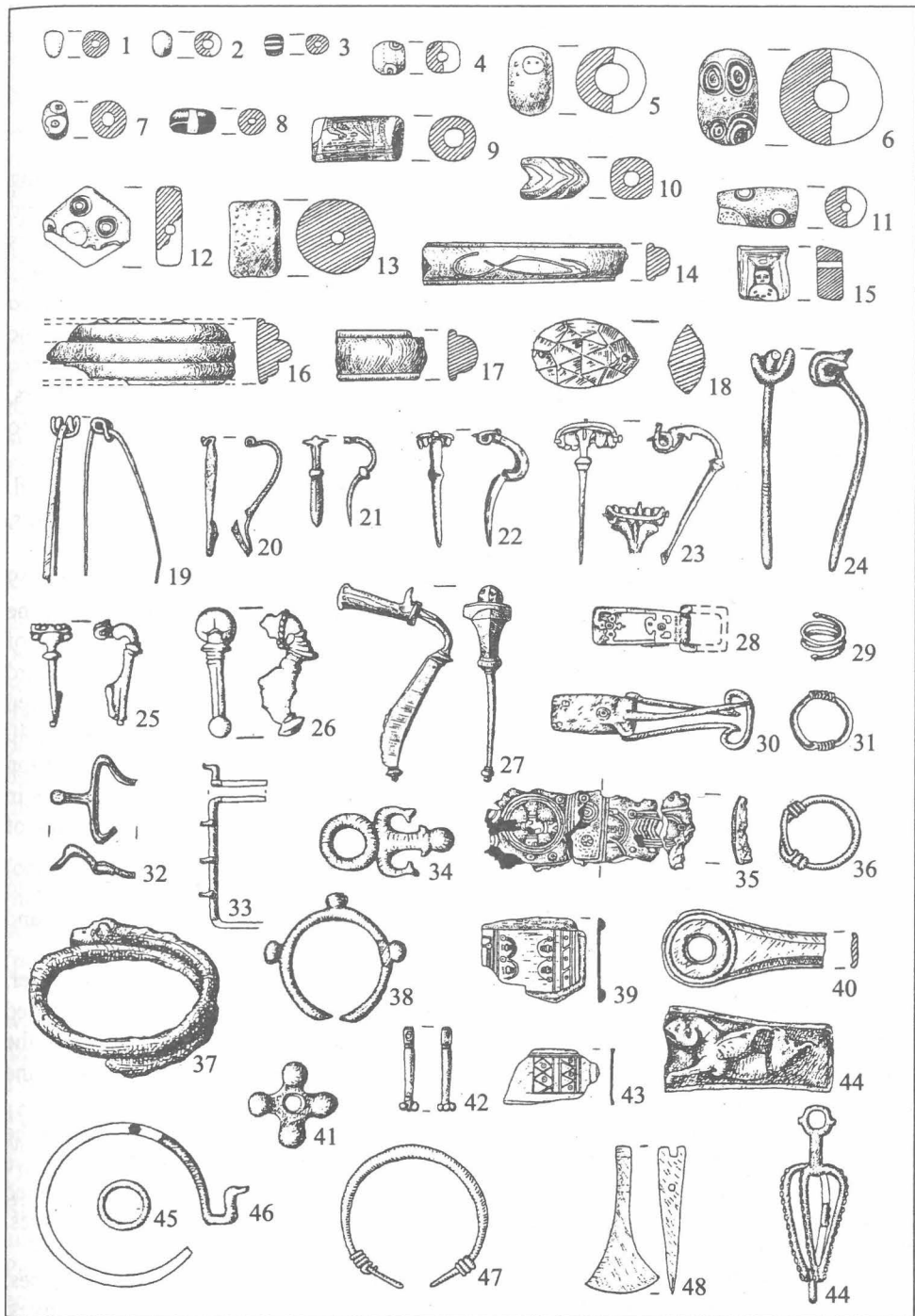

Рис. 6. Украшения, принадлежности одежды, ручки импортных сосудов (40, 44). 1-24, 27, 29, 31-33, 35-43, 45-49. Малая Копаня; 25-26, 28, 30, 34, 44. Земплин.